

Людмила Сараскина

Памяти Галины Борисовны Курляндской

...С тех пор прошло уже более сорока лет, но мне навсегда запомнились солнечные дни начала осени 1970 года, когда я оказалась в Орле, на первой моей «взрослой» университетской научной конференции «Тургеневские чтения», которыми вот уже много лет руководила Галина Борисовна Курляндская. Приглашением на знаменитый тургеневский форум, единственный в своем роде, я была обязана Олегу Николаевичу Осмоловскому, преподавателю Кировоградского педагогического института имени А.С. Пушкина (ныне институт носит имя «архискверного» В.К. Винниченко, широко известного по цитате из В.И. Ленина, приравнявшего этого украинского прозаика и революционера к «архискверному» же Достоевскому).

Доцент из Центральной России, говоривший не на «суржике», а на чистом и красивом русском языке без пресловутого «гэкающего» акцента, казался студентам-русистам провинциального украинского Кировограда (бывшего Елизаветграда) — небожителем, человеком с другой планеты, где русская литературная классика царствует и правит, а не обитает на задворках цивилизации.

Для самого О.Н. Осмоловского такой планетой были, несомненно, Орел с его музеями русских писателей, заповедное Спасское-Лутовиново и Г.Б. Курляндская, у которой он учился и которую уважал бесконечно. Это имя звучало в его устах так часто, как часто вообще может звучать имя любимого учителя, произносимое преданным учеником, — фактически при каждом разговоре о литературе, об орловской аспирантуре, об однокашниках и коллегах. Он то и дело цитировал *свою* Курляндскую, рассказывал смешные и поучительные случаи из ее жизни, которые скорее походили на легенды и мифы. Он ставил нам ее в пример — как образец остроумия, трудолюбия, принципиальности и даже самоотречения. «А вот Галина Борисовна...» — так чаще всего начиналась фраза о Тургеневе, Достоевском или о текущей университетской жизни. Курляндская была для моего учителя Олега Осмоловского эталоном учености, совестливости, честности, справедливости. Еще до знакомства с ней я, мне казалось, знала о ней всё.

С самого начала учебы на филологическом факультете именно Г.Б. Курляндская, с подачи Осмоловского, стала для меня главным научным авторитетом — и как тургеневед, и как тип ученого-филолога, строгого наставника студентов и аспирантов. Ведь и мое первое, незабываемое увлечение русской литературной классикой было связано как раз с героинями Тургенева — чистыми, романтическими и, как правило, не очень счастливыми девушками. Их тихое, скромное существование на страницах тургеневских романов как-то скрашивало мои личные неудачи, примиряло с неказистым миром собственной жизни. Я чувствовала к Галине Борисовне заочную нежную

привязанность, знала все ее тургенеvedческие работы, поражалась тонкости наблюдений — ведь как раз кружево тургеновской прозы, чарующее колдовство языка Тургенева-рассказчика и прелесть его повествовательной манеры были ее коньком, ее филологической специальностью, где ей не было равных. Она казалась мне человеком-рентгеном, от которого не скроешься и не спрячешься — всё равно сразу всё увидит, поймет или угадает (сейчас бы сказали — отсканирует): ведь она умела так зорко описать психологические приемы Тургенева, отгадчика судеб своих героев.

Но остаться с одним Тургеневым, сосредоточиться на нем как на основной специальности мне было не суждено. На втором курсе студентам-филологам полагалось выполнить курсовую работу сравнительно-типологического свойства: следовало проанализировать текст одного писателя вместе с текстом (похожим по сюжету, сопоставимым по уровню мастерства) другого писателя. Зная мое пристрастие к образам тургеновских девушек и особенно к рассказу «Ася» (я знала всё, что написала о нем Галина Борисовна), Олег Николаевич предложил мне для сравнительного анализа «Неточку Незванову» Достоевского, говоря при этом, что Курляндская одобрила бы такой выбор.

Тайна моей тогдашней страшной филологической ущербности заключалась в том (теперь дико в этом признаваться, но никуда не денешься от правды), что в свои двадцать лет я ничего из Достоевского не читала и плохо себе представляла, о ком вообще идет речь: в школьной программе его напрочь не было, и я, уже читавшая Руссо и Шекспира, Диккенса, Золя и Мопассана, энциклопедистов и Вольтера, пребывала в неведении относительно автора «Преступления и наказания» и «Братьев Карамазовых». В общем, срочно пришлось наверстывать. Мне повезло раздобыть в букинистическом магазине за совсем малые деньги «серый» десятитомник Достоевского 1956 года, и началось экстренное чтение. Будучи неисправимой отличницей, я не могла вырвать из первого тома заданную повесть и начала не с «Неточки Незвановой», а с самого начала, с «Бедных людей», и дошла до самого конца, не останавливаясь, проглотив все десять томов одним большим глотком. И, кажется, не поперхнулась и не подавилась.

Мир десятитомного Достоевского подействовал на меня как волшебный напиток, заставив забыть все прежние читательские пристрастия. Вот, оказывается, где были настоящие герои, мужчины и женщины, вот где была настоящая жизнь! Мне казалось, что я долго блуждала в темном лесу, среди бесплотных фигур, и наконец вышла к СВОИМ. Это чувство, наверное, было крайне субъективным и несправедливым по отношению к другим литературным мирам и героям, но очень счастливым. Единственное, что мне царапало сердце, — так это существование тургеновских барышень, которые теперь казались мне блеклыми и невыразительными, и их мир пресным и скучным. Мне было их безмерно жаль — они совсем не помещались в серый десятитомник; его герои, казалось, не могли бы обратить внимание ни на одну

из них. Я пыталась соединить Лизу Калитину и Парфена Рогожина, Асю и Родиона Раскольникова, Настасью Филипповну Барашкову и Евгения Васильевича Базарова — и получалась какая-то чепуха, то трагическая, то комическая. Я даже пыталась «познакомить» Достоевского с Полиной Виардо — но видела, что ничего хорошего из этого «проекта» не получилось бы. И мне еще предстояло узнать весь контекст сложной отношения двух писателей, вникнуть в «историю одной вражды».

Но вот парадокс: в мир десятилетия не только не вписывалась, но органически, на правах аборигена, входила совершенно реальная тургеневская женщина — Галина Борисовна Курляндская. Еще не видя ее живьем, представляя себе главного тургенева страны только по рассказам О.Н. Осмоловского, я вписывала ее в романы Достоевского, и она входила в них как хозяйка событий, как госпожа сюжетов. Какой восхитительной Марией Игнатьевной Шатовой она могла бы быть, как бы точно совпала с непреклонным характером трагической героини «Бесов»! Харизматичную Галину Борисовну вполне можно было представить в образе гордой Настасьи Филипповны, не знающей компромиссов, не идущей на сделки с совестью. Швырнуть в горящий камин постылую, оскорбительную пачку грязных денег она бы могла столь же неистово и столь же безоглядно. И никто лучше, убедительнее Курляндской не смог бы выразить весь диапазон чувств глубочайшей Варвары Петровны Ставрогиной, матери Николая Всеволодовича, с её властным голосом и повелительными интонациями, за которыми всегда было столько муки и ожидания несчастья. В общем, тончайшему знатоку творчества Тургенева был по силам и по характеру мир героинь Достоевского, и это явилось моим главным открытием в процессе заочного знакомства с Галиной Борисовной Курляндской.

...И вот, наконец, настал день, когда я оказалась в Орле, на заветной кафедре русской литературы и предстала перед светлыми (карие) очами за стеклами очков. Взгляд их был сдержан и строг — всё так, как я и думала. Курляндская не обманула моих заочных представлений; рассказы Олега Николаевича были безупречно точны и попадали в яблочко.

Я понимала, однако, что протекции Олега Николаевича было совершенно недостаточно, что его замолвленное за меня словечко нужно оправдывать делом. А дело было обычное для дебютанта научных конференций — нужно внятно и отчетливо прочитать свой двадцатиминутный доклад и ответить на вопросы, если они будут.

Тургеневские чтения, руководимые Курляндской, были в высшей степени почтенным научным форумом; в Орел съезжались и убеленные сединами столичные корифеи, и профессура из областных российских педвузов, и редкие, допущенные выступить аспиранты, за которыми стояли их маститые руководители. За мной, кроме О.Н. Осмоловского, не было никого и ничего — ни престижного вуза, ни аспирантуры, ни даже классически правильной русской речи: никак не удавалось избавиться от твердого «в» в слове «любовь»

и мягкого «т» в слове «значит». И оставалась мягкая, южнорусская мелодика речи, которая предательски выдавала адрес постоянного места жительства (и от которой мне удастся избавиться только после нескольких лет московской жизни).

Поразительно, но я совершенно не помню содержания и даже названия своего доклада. Наверное, это было что-то тургеневское, быть может, женские образы, быть может, сравнение «Аси» и «Неточки». Я не чувствовала ног и пола под собой, не видела лиц перед глазами. Все присутствующие в зале сливались в одно размытое, слепое пятно. Но мне все же казалось, что я не запинаясь и не заикаясь, в зале же было как-то слишком тихо. Галина Борисовна и еще кто-то из руководства факультета, кого я не знала, сидели в президиуме. Я уложились в отведенное мне время и, когда закончила читать текст и хотела было сойти со сцены (никто ни одного вопроса не задал), слово взяла проф. Курляндская. «Вы, милая девушка, написали хорошую работу, но произнесли её тихим шепотом. Вас едва было слышно даже нам. В зале же вас вообще никто не расслышал. Учитесь говорить громко. Вас должны слышать».

Это всё, что сказала тогда в мой адрес Галина Борисовна, и, конечно, это был полный провал, крошечная неудача. Ведь я уже год как преподавала на филологическом факультете и студенты меня, как правило, слышали. Тут же меня будто парализовало. И все те тайные надежды на аспирантуру в Орле, у Г.Б. Курляндской, по следам Олега Осмоловского, рассыпались в прах; я больше не заикалась о продолжении своей научной карьеры, начавшейся, казалось, столь плачевно. Меня мучило то, что я подвела Осмоловского, девальвировала его рекомендации, обнулила его авторитет в глазах обожаемой Галины Борисовны. Правда, Олег Николаевич отмалчивался, меня не корил и по приезде домой о моем фиаско больше не вспоминал.

Время шло, и потихоньку я оправлялась от орловского провала. Постепенно слова проф. Курляндской, с оттенком досады произнесенные сразу после моего позора, стали казаться мне значительней, чем просто указание говорить вслух, громко, а не шепотом. «Может быть, она имела в виду, что мне надо не просто выступать в полный голос за вузовской кафедрой, во время лекций или конференций, а говорить и писать что-либо общественно значимое?» Я самовольно расширяла смысл слов, сказанных мне Галиной Борисовной, так что, когда пришло время публичных выступлений, своей крестной мамой я втайне искренне считала проф. Курляндскую. Я говорила себе: «Наверное, она благословила меня на публицистику, ведь этим жанром не гнушались ни Пушкин, ни Достоевский, ни Лев Толстой».

...Я снова встретилась с Галиной Борисовной ровно тридцать лет спустя, в 2000-м, проездом из Курска, где проходили фетовские чтения, куда меня пригласили как автора книги о Николае Спешневце, петрашевце и соседе Афанасия Фета по имению: спешневская Николаевка граничила с фетовской Воробьевкой, где конференция провела один незабываемый день. Я уже давно была доктором филологии, работала в Москве, выпустила несколько книг,

выступала в широкой печати, так что мне не стыдно было снова предстать пред светлые (карие) очи за стеклами очков Галины Борисовны. В Орле фетовские чтения продолжились, и я имела счастье видеть и слышать ее. Она ничуть не изменилась за прошедшие три десятилетия: такая же сдержанная, такая же строгая и серьезная. В один из перерывов она подошла ко мне и после слов приветствия сказала, что следит за моими выступлениями и читает мои работы. Это была полная и радостная реабилитация: в устах проф. Курляндской эти несколько слов, которые можно было принять лишь за выражение простой любезности, весили на самом деле много и стоили дорого. Я разрешила себе думать, что тогда, в 1970-м, верно поняла ее замечание и приняла как послушание.

Так случилось, что распад СССР серьезным и малорадостным образом коснулся жизни и работы Олега Осмоловского, преподававшего (после Кировограда) в Кишиневском университете. Когда оставаться там стало совсем невмоготу, он решил вернуться в Орел, в альма-матер. Ему во что бы то ни стало нужно было торопиться с защитой докторской — от этого зависело его положение на кафедре и в университете. Как я была счастлива, когда Олег, с которым мы не теряли связи все эти годы, состояли в переписке и встречались в дни его нечастых приездов в Москву, обратился ко мне с просьбой быть его оппонентом. В 1999 году в Воронежском университете, на кафедре нашего коллеги В.А. Свительского, успешно прошла защита диссертации «Достоевский и русский психологический роман XIX в». В своем отзыве я подчеркнула, что соискатель ученой степени доктора филологических наук О.Н. Осмоловский — один из самых талантливых учеников Г.Б. Курляндской, создавшей уникальную исследовательскую школу. Члены ученого совета согласно кивали: утверждение было бесспорным и за одно это соискатель заслуживал уважения.

Галина Борисовна оказалась счастливым долгожителем — и как человек, и как ученый. Она не дожила до своего столетия всего несколько месяцев, но ее здравый ум и нравственное чувство до самого конца оставались свежи и зорки. Была такой же труженицей, как и в молодые лета, как и всю свою жизнь. Прислала предисловие к журналу, задуманному в честь юбилея, — восьмой выпуск «Российского историко-культурного наследия» вышел уже после ее ухода. В «Слове юбиляра» она светло вспоминала своего учителя Александра Павловича Скафтымова и его замечательные лекции, густо цитировала суждения Тургенева и Достоевского о русском языке, неразрывно связанном с судьбой России. И высказала самую свою задушевную мысль, прозвучавшую как напутствие: «Христианский завет — любите ближнего как самого себя — имеет для нас религиозно-социальный смысл. “Ближний” для нас, россиян, не только представитель своего народа, но и любой страдающий других народов... В готовности сострадать и состоит наша национальная идея».

Ничего не скажешь — Галина Борисовна не зря была воспитана русскими классиками, не зря посвятила им свою долгую жизнь.

Светлая память и наша любовь!